

За свою педагогическую деятельность я сделал 20 выпусков из средних школ, тогда еще десятилетних. Много их было, одни - лучшие, другие - хуже, но все они оставили свой след в моей душе. Но самые глубокие следы оставили два выпуска: мой первый выпуск, выпуск 1958 из Боготольской ж/д средней школы (потому, видимо, что он был первым) и выпуск Кежемской средней школы 1964 (наверняка потому, что я его учил 4 года, и к тому же он был неординарен. Поэтому мы встречаемся с этими выпусками (а точнее, учащимися этих выпусков) через каждые 5 лет. Последний раз встречался выпуск 1958 в ушедшем 2003г., а встреча выпускников 1964 намечена на июль 2004г. Это будет их 10-я встреча!

Встречи незабываемы. Они оставляют огромные впечатления. Встретились мы с выпускниками 1964г., - через 45 лет и невероятно радовались друг другу. Мои ученики, такие седые, как я, так же потерявшие жизнь, вели себя как дети: обнимались, целовались, плакали, пели, пели и пели.

И я становлюсь моложе. Я видел следы своей работы, при мне они менялись, росли, стали уважаемыми людьми - учителями, рабочими, учеными, руководителями производства - и не растеряли высоких нравственных качеств. Это меня радует. Жизнь прожита не зря.

А как получилась поэма о моих учениках - судить вам, читателям, и особенно важно, как оценят ее герои поэмы.

С уважением к читателям, А. Карнаухов.

9.01.04г.

Алексей Федорович,

Вы Учитель с очень большой буквы, с молодой и прекрасной душой! Человек, посвятивший себя самому святому - сеять разумное, доброе, вечное в ребячьих сердцах и душах людей.

Сколько лет вы отдавали себя нам, вашим ученикам.

Вы не ожидали от нас непрерывной известности, но хотели видеть в нас известный запас порядочности и честности.

Мы - ваша вечная молодость, надежда и радость.

Желаем Вам здоровья, творческого долголетия, сохранить в душе память о наших школьных годах и надежду на наши новые школьные встречи.

Благодарные ученики выпуска

1964г.

М. Нечаеву

ВЕТОЧКА РЯБИНЫ

День угасал. Чуть голубело небо,
подернутое легонькою дымкой;
покачивались тоненькие вязы,
подсвеченные пламенем заката.
А за окном тянулась чья-то песня,
шумела улица, играли дети.
В окно стучала веточка рябины,
точь-в-точь такая же, как дома.
Но звуки те не трогали мой разум:
Я далеко был с мыслями моими -
по-старому, за тридцать земель.
Но это лишь в пространстве отдаленность,
во времени - за тридцать с лишним лет.
Я улетел в год шестьдесят четвертый
и встретил там свой самый главный выпуск.
Как будто молодой, черноволосый,
вхожу я в класс, весенний, выпускной,
и скоро нам... нам предстоит расстаться.
И тут навзрыд заплакала рябина,
в окно сильнее веткой застучала -
так сильно, что позванивали стекла,
И было мне так грустно и так сладко...
Внезапно я от тишины очнулся.
Уж полночь. Запад в темной бездне,
а за окном по-прежнему звучала
неясная мелодия - как сон.
Бесхитростная веточка рябины
слагала песню о родимом крае.
И я вошел в него задолго до плотины,
как входит, видно, всяк в ворота рая.

Так родились вот эти тридцать строк
И все другие, коим выйдет срок.

ВТОРОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Где вы, где, мои питомцы?
Вы - пассив или творцы?
Или паства, то есть овцы,
Или страстные борцы?
Не смотрел директор в воду,
Но гадал - в дорогу дал:
Демократию, свободу
(Может быть, перегибал?).
Большинству суждений смелость,
Жажду жить своим умом,
И не биться в стену лбом.
Всем по нраву и по росту,
Но невмочь мне умолчать:
Той поры хрущевский воздух
Наложил на вас печать.
Вы смелы, вы непугливы
И резки вы сгоряча,
Так же, как Хрущев, шумливы,
Так же рубите с плеча
Счастье это иль несчастье,
Утверждать мы подождем:
Вы к истории причастны,
Ибо связаны с «вождем».
Хорошо мы жили, плохо,
Я - в годах, вы - малыши,
Это наша все эпоха -
Все мы ей принадлежим.

ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ

Я не робею перед нею
И не иду на поводу,
Но без нее я обеднею
И потому в нее иду.
Чтоб ожила моя страница
(а нужно мне всего одну),
В нее мне надо устремиться
На сорок пять лет в глубину.
Давно та истина известна -
Она проста, как дважды два.
(сейчас назвать ее уместно):
История всегда права.
Мне только бы ее живую,
И как себя бы ни вела,
Приму ее как таковую,
Но только - только б не лгала.
Но помню я совсем не праздно:
Изменчив каждый ее миг.
Сегодня думаем: все - правда,
А завтра видим: это - миф.
Уже ее лик исказили
И превратили свет во тьму,
В любом вчерашнем дне России
И в нас, как выгодно кому.
Изображения фальшивы,
От них беспамятством разит.
Но облик ваш, пока мы живы,
Им не удастся исказить!
Конец тем истинам избитым,
Их постулат не тверд, не строг:
«История - магистра вита»,
«Историю творит народ».

Учили так. Но мы-то знали
(Жизнь била. и не раз ключом):
Историю творил сам Сталин,
Потом творил ее Хрущев.
Ее вели без канители,
Как под уздцы, себя любя,
Во имя благородной цели
Все улучшая - для себя.

Сортировали, утрясали,
Чтоб бросить лозунги в народ,
В коммунистические дали
Свершая новый поворот.
Народ? Историю? Все - липа!
Мы - сошки, что ни говори.

В нее мы можем только влипнуть -
Не можем мы ее творить.
Но та, что как живая сила,
Как постоянная борьба.
И вся в поэме уместилась -
И ваша и моя судьба.

ЭПОХА

Да, да, эпоха - не минута.
Сменилась вековая власть:
Эпоха Сталина минула,
А Брежнева не началась.
Но с первого (с рожденья) вздоха
До школы - вот ее порог,
Вы жили в сталинской эпохе.
Все в мире - Сталин. Он - наш Бог!
Но умер Сталин! Им повинный,

Пришел, не закрывая рот
Десятилетия, Никита -
Так величал его народ.
Под новым богом, под Хрущевым
(растили сами мы богов) -
Все ваши десять лет учебы
Совпали с властью его.
Вещал один он, не смолкая,
Народ внимал - такая тишь!
Но оттепель пошла такая,
Что побежали струи с крыш.

Не забыть второе благо -
Все же был он милостив:
Он открыл врата ГУЛАГа,
Уцелевших выпустив.
Правоверный коммунист -
Ортодокс из ортодоксов,
Безоглядный оптимист,
Сотканный из парадоксов:
И новатор, и догматик,
Добродушен и ершист,
Он был весь от плуга практик
И фанатик-утопист.
Был святыней и гороком,
Сыном века и отцом,
И слепцом был, и пророком,
И твореньем, и творцом.

Жестока власть диктатуры -
Враг нокаутирован!
Сам садил безвинных в тюрьмы,
Сам их реабилитировал.
Демократ, простяга, мнил,
Верил: он - особенный!

Культ он Сталина громил,
Создавая собственный.
Муж, умом крестьянским крепкий,
Сам себя бил каждый день:
Был защитником деревни,
Сам снес тыщи деревень.
О, на взгляд, рубаха - парень!
С мужиком его сравню.
А на деле русский барин:
«Захочу - так и казню!»
Воротил себе в угоду.
Захотел - всех перекрыл:
В пику русскому народу
Подарил Украине Крым.
За одно, что Крым наш слопал,
Мало бы и пули в лоб.
Отдал он и Севастополь,
С ним и Черноморский флот.
Отдал, будто для забавы
(Не в сраженье, не в войну) -
Город вечной русской славы
Шлет проклятие ему.

Потому-то год от года
Недовольство им росло:
Думал, благо для народа,
Выходило снова зло.
Монолитен, неотесан,
Поднялся в такую высь.
Высоко себя вознес он,
Сброшен был на самый низ.
Потомки грех простят ему:
Взращенный на народной ниве,
Он по-народному был мудр

И по-народному наивен.
Бывал он на расправу скор -
Во власти зри ее истоки:
Как человек бывал он добр.
Как символ власти был жестоким.
Ах, добрый-добрый наш народ!
Его ты строго не осудишь:
Тогда мы шли еще вперед -
Правофланговыми по сути.

Шли год за годом, дни и ночи,
Еще от пороха черны,
Стране вернули статус мощной
За девять лет после войны.
Но замечал наш разум поздний
Разлад меж нами коренной:
Одни свободны, а колхозник
Все так же был, как крепостной.
Но убежденье было прочным:
Жить стало лучше мужикам.
Свое жильё равняли с прошлым,
А надо было с тем, как там.
Наш мозг сравненьем не был занят:
Как там за гранью, вдалеке?
Мы не могли смотреть на Запад -
Была граница на замке.
Но перед ним мы тверже стали
И не склонялись, не могли.
Они у нас уроки брали -
Мы и урок не извлекли.
Власть ничему не научилась,
Шла против ветра наугад.
Преодолеть напор не в силах,
Мы тихо поплыли назад.

Встречая доллары и кроны,
Орал «вождь» недругам не раз:
«Мы всех вас скоро похороним!»
И вот они хоронят нас...

НА АНГАРЕ

Перенесемся в наши годы,
На самый север Ангары.
В те годы, как цари природы,
Здесь жировали осетры.
Благословенный край морозный!
Так знайте, кто в нем не бывал:
В нем невозможно быть голодным -
Он всех кормил и одевал.
Неисчислимо птицы, зверя,
Грибов и ягод... Благодать!
А рыбы - тучи «возле берег»,
Что дна, бывало, не видать!
В краю богатом и певучем,
Под теплый вечер-чародей -ы
На зависть и на вздох живущим -
Внимали песне лебедей.
В ангарце кровь и в стужу бродит,
В опасной схватке не труслив,
Вынослив, крепок, благороден
И с юных лет трудолюбив.
Все хорошо! Подобно счастью.
А годы - годы все летят.
Вот только к старости, к ненастью
Все ломит косточки - болят...

МОЕ И ВАШЕ ДЕТСТВО

Снимите с губ печали смело
и скиньте с сердца груз забот,
чтоб все светилось в вас и пело:
навстречу детство к вам идет.
Ах, детство! Ничего нет лучше!
К нему душе не охладеть.
Его далекий добрый лучик
И нынче светит в темноте.
Пора знакомства с ближним миром
И беззаботности пора,
Пора создания кумиров
И первый выход из двора.
Тебе всего четыре года:
То захочешь на весь дом,
То застеняешься кого-то,
Уткнешься в маменькин подол.
И убежишь, и ей не слова,
Летишь, как будто на пожар,
Чтоб в избу вновь вбежать и снова,
Схватить краюшку, убежать.
И стали долгими прогулки -
Домой не сманишь калачом:
То с обручем бежишь проулком,
А то прыг-скоком за мячом.
Сбирались вместе парни, девки -
И песня рвется из груди.
Когда игра - одни припевки,
Другие же, когда дожди:
«Дождик, дождик, перестань,
Я поеду на рестань.
Богу молиться,

Христу поклониться»...
Иные к вам пришли денечки,
И присмирела детвора:
Теперь сиди, пиши крючочки -
Настала школьная пора.
И переход от класса к классу,
И октябренок в десять лет,
А там уж пионерский галстук,
И комсомольский есть билет.

И белый фартук неизбежно -
Он накрахмален на парад.
Какая белизна и нежность!
Простецкий, но святой обряд -
Ему я и сегодня рад.
Но то потом, то в старших классах,
В начальных нынче вы пока.
Все лето в шалостях и сказах -
Жизнь беззаботна и легка.
С делами справишься в хозяйстве,
Одни гоняли табуны,
Другие отдыхали в царстве
Цветов, травы и тишины.
До дрожи, с синими губами
Купались - на берег бегом:
Улегшись на горячей камень,
Вы бормотали шепотком:
«Солнышко, солнышко,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошка,
Нас погрей немножко».
Христово лето! Утром рано
Идти ватагой в дивный лес,
Набраться пучек и саранок

И съест их за один присест
Походы и другого рода:
Трава вся в капельках росы,
А вы топтали огороды
Набегами на огурцы.
И пусть твой сад страдал за дело,
Но ты опять по огурцам:
Ценили в этом деле смелость
И верность братству до конца.
Все это помнится нам вживе -
Не прекращались те бои -
Мы знали, огурцы чужие
Гораздо слаще, чем свои.
Недолго занимали грядки -
В запасе много дел еще.
Когда же вы играли в прятки,
Вели такой волшебный счет:
«Стуката, муката, мэ,
Анбар, фамбар, куманэ,

Ики, пики,
Граматики,
Ин,
Клин».

Зимой снежки, борьба на горке,
Потом «страстные вечера»:
Лежат поленницы в разборе,
Забор повален с полдвора.
Людей до слез обида гложет,
А Вам все шуточки, ха-ха.
Я тоже был там. Бегал тоже...
Смеясь, мы каемся в грехах.
И было, что с друзьями в мяч
Ты заигрался до полночи.

А как домой идти? Хоть плачь -
Ты выход ищешь, озабочен.
...Откинул прутиком крючок,
Тихонько в темноте разулся,
Под одеяло - и молчок.
Отец твой грозный не проснулся.

А завтра, если не проспит,
Тебя ждет жесткая припарка:
Ремнем так ладно угостит,
Что будет небу жарко.
Почешешь сзади след ремня
И все забудешь сразу.
Опять со снегом дотемна
От улицы нет спасу.
Ребята дома не сидят,
Их не удержишь дома,
А там мороз под пятьдесят -
Мне это все знакомо.
Санки, да лыжи, да коньки
(С железкой деревяшка),
Да скороспелые катки -
В мороз в одной рубашке!

Писал о детстве я не раз -
Ему опять большое место,
На двадцать с гаком старше вас,
Но снова окунаюсь в детство.
А дальность эта такова:
Родился при капитализме,
А изучать счет и букварь
Я начал при социализме.
Я жил при нем и я не кисну,
Хотя познал вождей цинизм:

Они нас звали к коммунизму,
А привели в капитализм.
На мне те оползни висят,
Да груз войны той грозной...
Давным-давно я родился,
А жить еще не поздно.

ЕХАЛ Я ПО БЕЛОЙ СТУЖЕ

Помню: ехал,
Белы звезды
На усах и бороде,
А с небес мне
Звезды-блестки
Все мерцали в наготе.
Ночь морозна,
Как девица,
Шепчет нежные слова,
И летела
Дивной птицей
Расписная кошева.
Пара скачет
В путь далекий,
Вороной неудержим -
Рвется грива,
А дорога
Стелет скатерть перед ним.
Мне навстречу
Жаркий воздух,
Стороною - берега,
Надо мною
Только звезды,

Подо мною - лед, снега.
Всюду пена
Белых кружев,
Был весь мир от стужи бел.
Я обнялся
С белой стужей -
И не мерз. Я песню пел:
Эх, зима ты кружевная,
Не сведешь меня с ума!..
По душе мне озорная
Раскрасавица-зима!

И ВОТ Я С ВАМИ, «А» И «Б»

В апреле (первым в мире!)

наш Гагарин Юрий

Ушел на корабле в космический полет,
А за полгода до над дюжиной болот
Я совершил полет в миниатюре
Туда, где и «железки» нет - из Боготола
Летел на родину, что и на карте нет.
Но гость своей планеты -
лучшей из планет,
Я прибыл в Кежму как директор школы.
Поездил, походил и поискал по свету,
Вернулся в отчий дом через десяток лет.
Но на своей земле я не нашел свой след. -
Я снова открывал свою планету:
Все те ж дома стоят длиннейшими рядами,
Все те ж друзья мои, и недруги живы.
И новизну открыл. Но кто же вы?
Труднее открывать мне встречу с вами.

Урок литературы будет броским!
На вас обрушусь, как с горы обвал.
Чтоб с первых же минут
сразить вас наповал,
Был пущен в ход Владимир Маяковский.
Решил вас поднимать, до вас не опускаясь.
Лицом к лицу
пусть говорит здесь сам поэт.
Оглушит, может, гром и ослепит вас свет,
Но так я поступлю и не покаюсь.

И прозвенел звонок, и вдохновенье чисто,
И полились стихи, и рифма, как алмаз,
И удивленно замирал вдруг каждый класс.
А не глушил я вас «трехпалым свистом»?
Да, я читал его, пред вами распинаясь,
И с поэтической я видел высоты
Перед собой глаза открытые и рты,
А поняли вы что-нибудь, не знаю.
Один хотел понять, но не имел он шанса,
Весь час он, не мигая, зрил, как я парил:
Открыл вначале рот, но так и не закрыл.
И я не закрывал: я речью наслаждался.
Но то была премногих встреч предтеча -
Предупредительна, как выстрел холостой.
Одна лишь видится мне глупой и смешной
Моя попытка вам понравиться
при встрече.
Какая б ни была, она непоправима.
Хотя кажусь нелепым самому себе,
Я благодарен этой встрече и судьбе.
Как жаль ушедших дней неповторимых!

Поэт наш полон звуков, радости и света,
И нежен он, как облако в штанах.

Да, есть риторика, порок он, как шпана.
Я все же вас влюбил в великого поэта!
Вы не взбирались никогда в такие дали -
Учили: «у меня растут года».
Но вот открылась вам поэта красота -
О, как на сценах вы его читали!
«Кресло за креслом,
ряд в ряд, - голос тих,
Внизу тишина затемненного зала, -
Эта сталь, Железо» - Маргарита Сизых
Читала, как будто от горя стонала.
А из тонкого тельца неслась
неподдельная страсть,
И слышался бас
самого Маяковского.
Прожигала, как будто огнем от костра,
Вонзалась в сердца
Валентина Островская:
«Я себя под Лениным ищу», -
голос лучистый,
Разбирает меня по частям.
Но сейчас никто по нему
себя уж не чистит,
А его беспардонно честят.
Пусть там клеветает продажное быдло,
Что было, то было: провальный финал.
Но Ленин Владимир, что бы там ни было,
Пребудет великим на все времена.
...Поэт (не я) раскрыл пред вами тему -
И необычно, и в короткий срок.
Я знаю: тот урок пошел вам впрок,
Хотя привыкли к медленному темпу.

НЕ ПРЕЗИРАЙ БЫЛОЕ

Последний шел учебный год,
Очередного круга завершенье.
Начать, чтоб новый оборот
Собой являло вечное движенье.
Ушли с тех пор десятки лет.
Смотри, случайное стирая,
Что было и чего уж нет,
Все прошлое не презирая.
Рабочая неделя - шестидневка,
Уроки - сорок пять минут.
Экзамены и юношам, и деткам:
Все-все их каждый год сдают.
Уроки! Тип их самый разный:
Урок-ликбез, урок-нарсуд,
Урок - литературный праздник
И увлекательнейший труд.
Учительская Божия искра! ✓
Она - творец прекрасного, поверьте:
Кармановские чудо- вечера,
Где «химики» творили фейерверки.
Не пустовал наш маленький спортзал,
И потому успехи не случайны:
✓ Покойный Кан Сергеич правил бал -
Сдавались Ванавара, Богучаны.
Искру надежды, чаянья тогда
Вносила вся пришкольная держава.
В итог весенне-летнего труда,
В наш ежегодный праздник урожая.
И голоса мне слышны до сих пор -
Все та же вызывала их искра:
Учительский и комсомольский хор,
Начало дирижера - «кра-кра-кра!»
А школьный театр!

Милый школьный театр!
Собрание цилиндров, фуражек, тиар,
Искусственных бород, бакенбардов, усов,
Бояр, воевод, партизан и купцов,
Героев и трусов, солдат и царей....
- Эй, вы там! Спектакль начинайте скорей! ✓
Как много дел осталось за листом,
Что составляет гордость и престиж.
Как хочется еще о том, о том...
В поэму все дела не уместить.
Мы вместе столько съели соли -
Ученики и мы, учителя!
Учительский рабочий столик
Нас никогда не разделял.

ВЫСШИЙ БАЛЛ

Два класса, два характера - немало
Оставили мне радостей в судьбе,
Как светлые лучи, но так бывало:
И «А», и «Б» сидели на «губе».

«А» класс. О, учится он лучше!
Дисциплинирован и строг,
Старателен в учебе и послушен,
Он честь и чистоту берег.

«Б» - партизан он плоть от плоти, ✓
Свободомыслящ и зубаст,
Несправедливость не проглотит - !
В ответ любому сдачи даст.
Не терпит лжи и показухи - }
Учитель, за собой следи!

Смешливы, веселы, не сухи,
Но палец в рот им не клади.
Учитель как-то допустил ошибку -
Бойкот! Как будто за пустяк.
Простили ей, покаяться с улыбкой,
Когда она покаялась. Вот так!
А мы нашли взаимопониманье,
Мы обрели взаимоинтерес,
Друг к другу взаимовниманье, -
Не возникал у нас взаимостресс.

«Б» ближе мне стал не за пыл,
конечно, не за угожденье.
Но мною класс отмечен был
За три высоких достиженья.
1. Решенье педсовета и приказ -
Стоял «Б» класс на пьедестале:
Он удостоен званья «Класс
Коммунистической морали»
Конечно, это моде дань,
Но класс был все же выше средних,
Но только он носил медаль:
Он был и первым, и последним.

2. Все полугодье этот класс,
В порядке исключения,
Не дама классная вела,
А самоуправление.
Класс оказался деловым,
Серьезным, обязательным
И, в назидание другим,
Вполне самостоятельным.

3. «Приказ по Кежемской средней школе.
С июля 1963 г. назначить руководителями
производственной практики в колхозе

«Заветы Ильича» учащихся 9 «Б» класса
Привалихину Анну и Привалихину
Маргариту с соответствующей ставкой
заработной платы».

Такой приказ писал я лично,
И я, конечно, рисковал.
Но я их знал и я им верил:
Работа в поле им привычна.
Дуэт девчат, по крайней мере,
Свою зарплату оправдал.
Класс заработал высший балл.
Да, лучшие в ней, в памяти остались.
О них мы помним, если даже спим.
Мне дорог класс Антроповой Натальи,
Класс Максиной Елены был любим.

Не верьте нам, что были все любимы. !
И все пред нашей памятью равны -
Мне по душе умны, добры, ранимы, !!!
Чужды мне были злы и неверны.

Пусть это будет личность или класс,
Ценю я их характеры и души:
Любимец - Карнаухов Николай, !
Хотя он ученик не самый лучший.

Иной оставил только чистый лист,
Об этом память стала крепче стали.
А лучший - золотой наш медалист -
Мне лишь одну фамилию оставил.

А «Б» и «А» - в моей душе они
Глубокий след оставили ногами.
Их голоса навечно сохранил -
Они во мне всю жизнь не умолкали.

От времени того не убегу,
Как Вам всегда мила пора ученья.
Готов обнять я многих - не мог ...
Прошу у всех неназванных прощенья!

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА

Ты долго не находишь места,
На реку смотришь у окна:
Все выше солнце - наконец-то
Пришла последняя весна.
Уже капли звон хрустальный
Ласкает ухо и зовет,
Ручьи хохочут непрерывно,
Вовсю кричат: «Весна идет!»
Уж птичьим трелям мы внимаем,
И вот уж первая гроза
(Явилась в середине мая!)
Гремит, грохочет в небесах.
Пришла весна, и в классе жарко,
И усидеть в нем нелегко.
Пусть ты сидишь за той же партой,
Но от нее ты далеко.
Ты хочешь дать нагрузку мозгу,
Помыслить, порешать бы, но
Глаза-то смотрят не на доску,
А на простор реки - в окно.
Какие к черту тут уроки,
Когда рождается Любовь?
А взгляд ее такой же строгий,
И поневоле стынет кровь.
А если он на доску смотрит -
Так там Она! И он притих.

А сколько нежности во взоре!
И сладко так щемит в груди.
От солнца волосы, как стружки,
Оно ей, как листья в лесу,
На нос набрызгало веснушки,
Что так идут к ее лицу.
Как с ней условиться о встрече?
Готов он прыгнуть из окна...
- Стоп-стоп! Ты ноги покалечишь!
С ума сведет тебя весна.
Он млеет, на пределе нервы,
Он временами просто глуп.
А как же? Поцелуй ждет первый -
Прикосновенье нежных губ.
А ночью мучает бессонье:
Листики он рвет и пишет вновь,
И снова рвет, вздыхает, стонет...
Что ты наделала, любовь?

В окне уже видны потоки,
А на реке обломки льдин...
Ну, вот и кончились уроки.
- Бежим на улицу!
- Иди.
- Бежим, бежим, скорей отсюда!
Скорей на улицу! Ур-ра!
- Нет, нет, пока я здесь побуду.
- Ну и сиди один, дурак!
Махнул рукой вслед обреченно
И усмехнулся, не сердясь:
«За косы дергает девчонок...
Кончает школу, а - дитя».

Как отражение азарта,
За дверью слышен клик победный.

Уж не звенит звонок. А завтра
Вам прозвенит звонок последний.
Но мысль такая не запела -
Тоска у сердца своего.
Как будто в доме опустело,
И не осталось ничего.
Уж не придется - это правда,
На школьный наступить порог,
С дружочком посидеть за партой,
Макнуть в чернильницу перо...

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

С теплым майским громом уходит весна,
На реснице капля дрожит.
Дыханьем грусти минута полна:
Последний звонок прозвенит.

Привет:

Друг мой! Не грусти, не грусти!
Посмотри лучше вдаль - улыбнись.
Тебя ждет счастье в пути.
Так иди! Но меня покидая,
Ты оглянись.

Люди в мир приносят добро или зло -
Каждый оставляет свой след.
Несите людям свет и тепло -
Это наш последний завет.

Привет.

Слышен вечной жизни волнующий зов -
Мир уже распахнут, и пусть

Хранят вас Вера, Надежда, Любовь.
Час настал. Счастливым вам путь!

Привет.

ЭКЗАМЕН

Смотрю на вас с волнением редким -
Перед собою и вокруг -
В трех ипостасях: как директор,
Преподаватель и классрук.
Молчи, волнение, скрывайся!
И вы бодритесь, что есть сил,
Но милый наш Кокорин Вася
Губу до боли закусил.
А Валя Качина спокойна:
Не дрогнул ни единый нерв.
И я себе в укор резонно:
«Стыдись! Бери с нее пример!»
Людмила эти темы знает!
Склонилась низко над листом:
Строчит, строчит, не замечая,
Что косы свесились на стол.
Привычны многим эти позы -
Иных не видно и лица.
Тогда еще носили косы...
Где нынче русская краса?

Хожу неслышными шагами,
Готовый каждого обнять,
И разговариваю с вами,
Хотя не слышите меня.
«Ты в сочиненьях неизменна -
Готова охватить весь мир,

Умна и пишешь вдохновенно,
Ведь Данко - это твой кумир!»
«А ты пиши короче! Боже,
Зачем ты столько накатал?
Длиннее текст - ошибок больше:
Себя сразишь ты наповал!».
Над этим низко наклонился:
Умен, но вот глаза круть-верть.
Ткнул указательным страницу,
Вслух буркнул: «Хорошо проверь».

Танкову будет трудновато:
В литературе не мастак,
Но он, ломая все преграды,
По теме движется, как танк.
Но знают все литературу:
Читать любили, не глупы,
И я учил не по брошюрам -
Над текстом бились ваши лбы,
Боюсь за русский! И мне грустно...
За свой язык! Пойми, возьми!
Как много школьников на русском
Споткнулись и легли костями!
И напряжение не гаснет:
Тех двух куда б не занесло!
Их лица хмурятся, а в классе
От белых фартуков светло.

Я ИЗДАЛИ ВИЖУ ТЕ БЕЛЫЕ ФАРТУКИ

Вновь школьная площадь
во всех красках радуги,
И юные песни над нами звенят.

Снова волнуются белые фартуки -
Праздничный школьный наряд.

И в первый раз в первый класс,
пара за парочкой,
Идут первоклассницы. Будто парят
Белые фартучки, белые фартучки -
Первосентябрьский наряд.

Красивы на юношах строгие галстуки,
Но все же в рядах безраздельно царят
Белые фартуки, белые фартуки -
Скромный и нежный наряд.

В последний разок посидели за партами
И вышли на майский последний парад
Белые фартуки, белые фартуки -
С детством прощальный наряд.

Года пролетели, и вновь взявшись за
руки,
Идут выпускницы, и сердце щемят
Белые фартуки, белые фартуки -
Традиционный наряд.

... Звонок так громок, что я вздрогнул:
Была такая тишина!

И показался класс огромным -
В нем лишь комиссия одна.

То было первое июня.
О, как не вспомнить ту весну!

О, как не вспомнить вашу юность!...
Я встал и подошел к окну.

А за окном река блестела,
Полна литого серебра,
Ах, Ангара ты, Ангара!
Она пока еще не знает,
Какой ее экзамен ждет -
Пока что нет такого знака, -
Спокойно воды вдаль несет.
Была она в тот день степенна...
И показались перед ней
Такими мелкими волненья,
Что бились только что во мне.
Но знаю: в праздник или будни,
Волненье будет или нет,
Перед детьми когда-то будет
Любой из нас держать ответ.
Вот так закончился экзамен.
И в этой тонкой тишине
Пришли слова простые сами:
Экзамен ваш - экзамен мне.

Как тяжкий груз, я снял ей-богу,
Но грусть довлеет надо мной:
Опять подводятся итоги,
И вот он, вечер выпускной!

Расстаться с вами мне не просто -
Как оторвал от сердца Вас!
И я читаю Вам сквозь слезы
Последний, главный свой приказ:

«... На основании решения педагогического совета от 24.06.64г. ПРИКАЗЫВАЮ:

1. За отличные успехи в учебе и труде, отличное поведение и активную общественную

работу наградить золотой медалью с вручением аттестата особого образца Петухова Виктора Гавриловича.

2. Наградить серебряными медалями с вручением аттестатов особого образца:

Волегову Татьяну Ивановну

Привалихину Анну Ивановну

3. Вручить аттестаты о среднем образовании следующим выпускникам:

10 «а» - Барсовой Ларисе Михайловне...

10 «б» - Брюханову Николаю Ивановичу...»

Директор школы

А. Карнаухов

ВОСХОД СОЛНЦА

Спешит на встречу с солнцем младость,
Прощальный вальс. И каждый ждет:
Конец уже не в грусть, а в радость -
Встречать всем выпуском восход.
Конечно, повезло японцам!
Встречают первыми его.
- Ребята, скоро выйдет солнце!
Оно появится вот-вот.

Пошли, пошли скорей на Горку -
С нее всю видно Ангару.

... Взошли, и увидали зорьку,

И острова, и Матеру.

Стоят рассыпанной толпою.

Поют, толкаются, галдят.

Светлеет из-
под небосвода, снизу.

Зари уж нет, растаяла луна.
Вдруг свет лучистый вспыхнул по карнизу -
И солнце! Наступила тишина.
Взошло! Взошло! Под дымкой голубою
Оно встает, огромное, как нимб,
Над полусонной, дремлющей землею
Торжественно и медленно, как гимн.

И вспыхнули огнем холодным сопки.
И вспыхнули далекие леса.
В порыве благородных чувств высоких
Вдруг ваши взволновались голоса:
«О, здравствуй, солнце! Гордое светило!
Не выразить к тебе своей любви!
В наш звездный час

ты окажи нам милость:
Нас на далекий путь благослови!»

Вам показалось, что, отбросив пути,
Вселенной царь вошел на свой престол
И, оценив значительность минуты,
Благословил и осенил крестом.
Свет разлился по водному простору.
Вы на него, забыв о том, что ждет,
Смотрели в состоянии восторга:
Свет солнца предрекал орлиный взлет.

А я стоял и думал: «Неизвестна
Всей жизни высота и глубина.
Что впереди - вершины или бездна?»
Тревожно билось сердце у меня.

Ваш путь земной сегодня мне известен:
Никто не стал ни лишним, ни чужим.
Не на вершине вы, но и не в бездне.
Вы высоки достоинством своим.

ПОРТРЕТЫ - ЭСКИЗЫ

Вы за долами, за лесами,
И каждый в избранном краю...
Перед закрытыми глазами
Виденья прошлого встают,
Видны, как на экране, лица,
Как наяву, а не во сне:
Парит Окулова Анфиса
На гимнастическом бревне.
О, вы, видения, останьтесь!
Я вижу (пусть и далеки!)
Ее изгиб в индийском танце
И жгучий взгляд из-под руки.
Дружна «дьячиха» с воем ветра,
Ворчит и ноет старичок.
Но где ты, огненная «ведьма»?
И где занудистый «дьячок»?

«Дьячок» - Сережа Рукосуев.
Он никуда не уезжал.
Я говорю о нем не все.
Он ростом мал - умом удал.
О, этот маленький хитрюга
Был философ и резонер!
С ним рядом никакая скука
Не попадала в разговор.
Но где-то лопнула пружина,
Судьба колотит чересчур.
Так больно! Все выходит клином.
Что говорить? И я молчу.

Вот на экране появился
Известный групповой портрет -

Татьяна, Вера и Лариса -
Овалом - скромненький багет.
Они в той жизни неделимы:
Скромны, робки, честны во всем. !
И путь прошли свой школьный, длинный,
Не разлучаясь, втроем.

О, это главные юннаты!
А будто троица тиха,
Собрали школьные награды
С путевкой на ВДНХ.
Окончен бал, и три подруги
По всей России разбрелись.
Тут, рядом Вера, но ни звука,
И остается чистым лист.

Еще юннат - единственный он в школе,
Среди мальчишек щедрый до конца.
С девчонками в теплице он и в поле,
И с ними на пришкольном. Чудеса!
И ныне в Зимбе тот же стиль:
Заботливость, улыбка, доброта.
Кто ни попросит выручить, спасти -
Бежит он на подмогу хоть куда.

Я помню сочинение. О чем?
«А что ты думаешь о школе?»
И получил по темени щелчок
От Риты Привалихиной - до боли.
Ну, прямо-таки в глаз ты, а не в бровь.
Отшлепала. А может, поделом?
И так, что помнится доселе:
«Директор педантичен и суров».
«Нас гонит с танцев с каменным лицом»

В разгар азарта и веселья».
Я обнаружил с самого начала
В твоих глазах природный ум и толк.
Меня ты с полуслова понимала,
Когда меня никто понять не мог.
На вечере ты перешла границу
(И оттого немножечко грущу).
Не буду я смотреть на Вас всех снизу,
Иначе будут хлопать по плечу.
Душа была моя в поту и в мыле,
Но твердо я смотрел в твои глаза:
Чтоб из меня веревки вы не вили,
Перед тобой нажал на тормоза.

Любимец класса - если вкратце,
Басистей всех и всех смуглей -
Ах, Саша, Саша Померанцев,
Чего ж не едешь столько лет?
Байкал, конечно же, не омут,
Тебя он к нам бы отпустил.
Привез бы ты к нам рыбку - омуль,
Деликатесом угостил.
А от тебя одни лишь письма,
Но как ни хороши они -
Толковы и полны комизма -
Тебя не могут заменить.

Спокойный, будто без эмоций,
Нечаев тоже был любим:
Весь кругленький, светловолосый,
Ну, просто ангел-херувим!
Но в этом мальчике таились
Упорство, сила, непокой.
И он теперь - скажи на милость! -

Руководитель, да какой!
Хватает досыта мытарства -
Неблагодарная стезя:
Ведет он сельское хозяйство -
Труднее выдумать нельзя.
То ураган, то страшный ливень,
То нет давно дождя с небес,
Тут нет семян, там вовсе гибель -
Точь-в-точь родное МЧС.
Но не черства его душа:
Я не поэт - он метил выше.
Никто не верил - он нажал,
И вскоре сборник вышел.
Тот томик послужил предтечей,
Он стал началом всех начал.
(С двумя другими стало легче) -
Он мой успех обозначал.

Умна, добра, солидна Нина,
С крестьянской светлой головой.
Как поглядишь, так сразу видно,
Что вышла ты из Мозговой.
Учиться, что бы там ни стало! -
И кочевую жизнь вела:
От М до К, от К до М летала.
Не зря в воздушный транспорт ты пошла.
И, обладая тактом, сильной волей,
Уму ты доверяешь и чутью.
Не делишься ты впрок своею болью,
Чужую боль считая за свою.

Был скромн в школе ты всецело
И на стыдливость обречен,
Но вдруг явил такую смелость:
Ты женским сделался врачом!

И сразу шутки, анекдоты, -
Пусть ты пред женщинами чист:
«Иван Иваныч - бабий доктор.
По женской части спицилист»
Ты в этих шуточках, как в тине,
Но ты лицо свое не прячь -
Ведь бабы говорят и ныне:
«Он самый лучший женский врач».
Одна с восторгом: «Врач попался -
Мужик! А нет ему цены»
Так обходителен! А пальцы,
Как губы девичьи, нежны».

А ты, любимец общешкольный,
Волейболист, баскетболист,
С улыбкой робкой, с жаждой воли,
Ты был всегда душою чист,
Ах, Дима - Толя! Где ты, Толя?
Ты где исчез? В какой дали?
Ведь все тебя давно ждут в школе.
О тебе душа болит...

Со всех бы вас писать портреты,
Но я и так вас утомил.
В душе моей и те, и эти,
И нынче каждый сердцу мил.

Лицом к лицу четыре года
Я познавал вас всех без шор.
Вас не испортили свободы,
Ни хаос, ни обвал реформ.
Вас изваяли мы из воска,
Вас закалили на огне, -
Хоть жизнь катала долго, жестко,
Вы стали крепче и сильней.

У Вас у всех свое есть имя -
Я Вас не смею умалять.
Но вы не стали бы такими,
Когда б не те учителя.
Какие вас учителя учили!
Они - соавторы в судьбе.
Одни - живы, а те почили,
Оставив память о себе.

УЧИТЕЛЬ

Не может быть учитель консерватором,
Что целый век бубнит одно и то ж
И держится подальше от фарватера;
Его судьба - пожизненный скулеж.
Не может быть учителем
Посредственность -
Среди детей он - нежеланный гость.
Бездарность в школе противоестественна,
Как стужа в классе, ненависть и злость.
И вместо боли сердца - равнодушие,
Взамен любви - карающий дневник...
Мной названы, конечно, только худшие,
Но речь сегодня, к счастью, не о них.

А мой учитель не бежит от спора,
Идет к ученикам он в полный рост.
Живою мыслью и пытливым взором
Лишает сна, покоя юный мозг.

Учитель! Он - творец, всегда свободен
В призвании своем - и до конца
Он ищет, ошибается, находит

И возвышает юные сердца
Не может он творить в плену у времени -
Он слышит только сердца страстный зов.
Учитель! Он во все века - бессребренник,
Им двигает не выгода - любовь!
Учитель! Он - творец! Творит он личность!
Не должностью, умом интеллигент.
Он видит необычное в обычном
И формирует словом интеллект.
Учитель! Он - творец! Творец от века,
Он сеет свет и рассекает тьму...
Развитием, прогрессом Человека
Все в мире мы обязаны ему.

Среди руин, апатии и лени
Учитель, ты один - неумомим.
Вослед Поэту преклоню колени
Перед тобой, пред гением твоим!

И было: он возвысил поколенья,
Он каждому дал крылья, как Дедал...
Сии слова не самовосхваленье:
Не я, а мой учитель - идеал.

СМОТРУ НА ВАС СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Четыре года мы шагали вместе,
И между нами не было межи.
Учил я жить по совести и чести,
И вы клялись жить в мире не во лжи.
За счастьем улетели вы из Кежмы.
О, как боялся ошибиться в вас!

Но верил я и не терял надежды:
При встрече вы не отведете глаз.
Какие вихри над страной бушуют!
Разрушено село и наш Союз.
А вы все чтите Родину большую,
Не разлюбили - малую свою.
А жили, как закопаны по пояс -
Не помчались урвать чужой кусок.
Но по утрам не мучает вас совесть,
И ранний не пугает вас звонок.

Смотрю на вас сквозь время, расстоянья,
И, словно доктор через стетоскоп,
Я часто ваше слушаю дыханье,
У каждого ощупываю лоб.
... Вдруг весточки, как огоньки, погасли.
Молчание - замедленная ночь.
Ах, как он там? Страдает или счастлив?
Ни ободрить его и не помочь.

Смотрю на письма я, как на предтечу
Грядущих наших встреч - ты только жди.
И я все жду очередную встречу -
Увидеть Вас, обнять... И жжет в груди.
Но вот она, шальная, озорная!
Нагрязнула и смыла непокой.
Она в шестой раз нас соединяет,
И тридцать пять лет не разлей водой!

ВСТРЕЧА

(вальс выпускников)

Опять собираемся в школе -
Волнуясь, у входа стоим

И счастливы, рады до боли:
Встречаемся с детством своим.

Припев:

Мы помним вечер до сих пор
Наш выпуск и прощальный вальс,
Мечты, и слезы, и восторг,
И каждого из нас.

И снова мы вместе, мы - рядом
Хмелеем в сплетении рук...
Я вздрогнул от тайного взгляда,
И что-то открылось мне вдруг.

Припев:

Крепка наша школьная дружба -
Спаяла нас всех до седины.
Ее, как бы ни было трудно,
Забвению не отдадим.

Припев:

Ах, школа! Святая страница
Ты в нашей нелегкой судьбе!
Минувшее не возвратится,
А мы вновь вернемся к тебе.

Припев:

И вот опять прощальный вальс.
Наш праздник, как чудесный сон.
Но радость встречи и печаль
Мы в сердце унесем.

ОДА ШКОЛЕ

О, светлая! Есть память у питомцев.
И пусть твоя судьбина нелегка,
Тобою обогретые, как солнцем,
Они летят к тебе издалека.
Когда в вечерний час туман садится,
Три корпуса твои плывут вдали:
Как будто спят огромнейшие птицы,
Без парусов застыли корабли.
Но верится, ты песни не отпела, -
Ни пламя не возьмет, ни водопад:
Как птица Феникс, встанешь ты из пепла,
Поднимешься из вод, как Китеж-град.

О, мудрая! Ты встретишь правнучат:
Они придут к тебе, неугасимой,
Их голоса, как наши, зазвучат
В ином тысячелетье с новой силой.
Мой правнук, это зная наперед,
Когда сентябрь зажжет заря косая,
Твоими коридорами пройдет,
К моей безмолвной тени прикасаясь.
Для тех, кто устремлен в далекий путь,
Останься рулевым, как Ной в ковчеге!
Питая разум, ты началом будь
Высоких чувств - поныне и навеки!

К ЧИТАТЕЛЮ

Окончена последняя строка.
Она ко мне почтительно строга:
«Имеешь ли ты право, мой создатель

Поэмой возвеличить этот труд?
Читатель, он бывает очень крут,
На то он и придирчивый читатель.

Воскликнет вдруг, зажав ладонью темя:
Какая легкомысленная тема!
Нарушен установленный статут.
Где личности, героика, народы,
Истории крутые повороты?
Чтоб это знать, не нужен институт.

Не личности - отдельные штрихи,
Не подвиги, а малые грехи.
Где эпос сердца, музыка стихии?
И что тут, извините, за сюжет?
Рубашка выходная без манжет...»
Упреки и вопросы не тихие.

Читатель мой, позволь не согласиться!
Я тоже шит не лыком, не из ситца.
Ты зрил в мой труд, не размыкая век.
Все плохо - говоришь? Побойся Бога!
В поэме есть портреты и эпоха.
Есть сердце, мой народ и человек.

Конечно, смел ты, ловок. Но, пострел,
Твой взгляд на суть поэмы устарел.
Жизнь человека есть уже поэма.
Поэму создает единство глав,
Она - свободный жанр, а не устав,
Сюжет - внутри. Сюжет не диадема.

Мои герои - это поколение,
В учении - себя преодоление.
Обязан их поэмою воспеть.

Обыкновенны, не святы снаружи,
А в чистоте свои содержат души -
Хочу слова добра сказать успеть.

Прошли десятилетия, как века...
Смотрю на выпуск свой издалека -
Воспоминанья жгут, невыносимы.
Пусть далеко мои ученики,
Они уж деды, метят в старики,
А свет от них все льет, неугасимый.

И вот зима. Морозно, неуютно,
В окне напротив непроглядно, мутно,
А на душе - приподнятость, уют.
А на душе - приподнятость, уют.
Друзья мои! Со мною память снова.
Во имя Вас я ввергся в муки слова:
Меня подвигли вы на этот труд!

СПИСОК УЧИТЕЛЕЙ, РАБОТАВШИХ В КЕЖЕМСКОЙ СШ В 1954-1964г.г.

Гулькова Александра Прокопьевна
Шалдаева Екатерина Павловна
Брюханова Вера Прокопьевна (Шалдаева)
Волегова Анна Адреевна
Усольцева Клавдия Андреевна
Верхотурова Матрена Федоровна
Цыганкова Августа Георгиевна
Косолапов Семен Васильевич
Косолапова Анна Федоровна
Карманова Нина Александровна
Карнаухова Евдокия Филипповна
Карнаухов Алексей Федорович
Колеватова Нина Алексеевна
Кашлинова Алевтина Андреевна
Морозова Мария Васильевна
Меркотан Анисья Кузьминична
Шумилов Павел Николаевич
Блохина Валентина Федоровна
Карнаухов Константин Сергеевич
Анашкина Мария Васильевна
Нечаева Мария Васильевна
Спиридонова Олимпиада Алексеевна
Кокорина Людмила Александровна
Голубева Мария Ивановна
Дубкова Надежда Андреевна
Федяева Ия Клавдиевна
Леус Вячеслав Михайлович
Леус Галина Алексеевна
Брюханова Вера Ивановна
Баландин Геннадий Сергеевич
Образцова Марина Федоровна
Кочнев Иван Елисеевич
Померанцев Любомир Семенович
Кондратович Антон Иванович
Толмачева Тамара Кузьминична
Филиппова Александра Иосифовна